

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООБЩЕНИЙ О ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В РОССИЙСКИХ СМИ

Н.К. Иванова

*Доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики
e-mail: nkiisuct@mail.ru*

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье, основанной на результатах мониторинга (около 100 часов звучания) сообщений о пандемии коронавируса в русскоязычных электронных СМИ в марте – декабре 2020 г., рассматриваются основные особенности языковой рефлексии новой общемировой реальности. Описаны такие языковые реалии, как: неологизмы, заимствования, аббревиатуры, терминологическая лексика, метафоры и аллюзии. Этимологический, дефиниционный и лексикографический сравнительно-сопоставительный анализ рекуррентных лексических единиц и конструкций, их семантических трансформаций осуществлялся на основе ряда одноязычных и двуязычных толковых словарей. Делается вывод о высокой метафоричности отечественного медиадискурса коронавируса и о неоправданно частом использовании англоязычных заимствований в речи тележурналистов. Подчеркивается роль отдельной языковой личности, ее идиолекта в создании актуальных номинаций на основе личного и общественного языкового опыта.

***Ключевые слова:** пандемия коронавируса, языковая рефлексия, актуальные номинации, семантические трансформации.*

С начала 2020 г. жизнь планеты коренным образом изменилась. Эпидемия заболеваний новым коронавирусом, начавшись в декабре 2019 г. в Китае, быстро распространилась по всем континентам, приняв характер пандемии. Все сводки новостей в течение нескольких месяцев начинаются с тревожной статистики: количество заболевших и выписанных из стационара, число пациентов, находящихся на кислородной поддержке, наличие в регионах свободных больничных коек и т.д. Событие-аттрактор – распространение коронавируса, как показала в своем исследовании И.А. Якоба, обладает собственными дискурсивными характеристиками, отражающими специфику конструирования этого дискурса посредством умной, мягкой и жестких сил [Якоба 2020: 343].

Это еще раз подчеркивает важность миссии СМИ в целом и их отдельных участников как значимых субъектов медиакоммуникации и инструментов воздействия, вносящих существенный вклад в установление и распространение стереотипов восприятия и языковых шаблонов [Корягина, Кравченко 2019].

Освещение пандемии коронавируса средствами массовой информации обеспечивает актуальные коммуникативные потребности общества. Пандемия и ее постоянное обсуждение в федеральных и региональных СМИ, в свою очередь, приводят к существенным изменениям в языке, в его различных подсистемах. Эти изменения наиболее очевидны на лексическом уровне, для которого характерны под воздействием внешних факторов семантические трансформации, появление неологизмов и заимствований, новых аббревиатур и т.д. Эта чрезвычайная лингвистическая ситуация требует от языка быстрой реакции, а от лингвистов – изучения. Насколько прочно пандемия коронавируса вошла в языковое сознание россиян, показали «лингвистические итоги» 2020 года, подведенные в результате инициативного Всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник» в ноябре – декабре 2020 года. Согласно этим данным, «коронавирус» назвали главным словом года 61% респондентов. Среди других частотных слов – «самоизоляция», «дистанционное образование» и «врачи» (по 23% соответственно), «вакцина» (12%), «удаленная работа» (11%) [Россияне назвали главное слово 2020 года [http](http://)].

В данной статье на примере русского языка анализируется процесс языковой рефлексии, то есть отражение в нем реалий пандемии, а также основные лингвистические механизмы их репрезентации в речи. Материалом исследования послужили наблюдения за представлением информации в русскоязычных и англоязычных электронных СМИ в течение периода март – декабрь 2020 г. Объем звучания проанализированных материалов с ряда федеральных и региональных российских телеканалов («Первого канала», каналов «Россия», «Россия 24»), а также радиоканала «Вести FM») составил около 100 часов. В ходе исследования для интерпретации полученных данных использовался дефиниционный анализ на основе русскоязычных и англоязычных словарей [Мюллер 2004; Современный толковый словарь русского языка 2001; Захаренко 2003; Merriam-Webster Dictionary [http](http://)].

Анализ дискурса коронавируса в российских СМИ выявил ряд интересных особенностей. Во-первых, очевидны черты его динамики, наполнение на протяжении года всё новыми лингвистическими реалиями, актуализация некоторых из них под влиянием экстралингвистических факторов. Во-вторых, очевидно, что официальные русскоязычные термины, звучащие в СМИ, во многом совпадают с английскими (например, дословным переводом являются: *социальная дистанция*, *нулевой пациент*, *самоизоляция*, *иммунный паспорт* и др.). Они были введены в широкое употребление в основном через журналистов, которые, как правило, цитируют официальные иноязычные источники информации и знакомят российских телезрителей и читателей новостных лент с

высказываниями первых лиц зарубежных стран, статистикой, опубликованной в иностранных СМИ.

Как справедливо отмечает Г.А. Вильданова, «современный политический дискурс «в исполнении» Дональда Трампа закономерно вызывает интерес глобальной аудитории, получает обширное освещение в СМИ и подвергается многоаспектному анализу экспертов-представителей различных областей знания (политологов, социологов, психологов и, конечно, лингвистов)» [Вильданова 2020: 43]. Поскольку публичные выступления Президента США Д. Трампа (до января 2002 г.) обычно подробно и регулярно комментируются на нескольких российских телеканалах, обсуждаются во время различных ток-шоу и т.д., то, естественно, что через российские СМИ в публичное словоупотребление на русском языке входят специфические выражения американского Президента. Например, вслед за Д. Трампом некоторые наши журналисты в апреле стали употреблять выражение «китайский вирус» (*China virus*), говоря о новом коронавирусе. С 24 апреля в течение нескольких дней в русскоязычном телеэфире (программа «Вести») при обсуждении лечения и мер гигиены употреблялось слово *дезинфекторы*, ранее не совсем корректно использованное Д. Трампом во время брифинга для журналистов.

С конца апреля 2020 г., как и в США, в российских СМИ стало активно использоваться заимствование *локдаун*. Например: «Жители этого американского штата вышли на митинги протеста против локдауна»; «Некоторые районы Дагестана уже в течение нескольких недель живут в режиме локдауна» (новостные программы «Время», «Вести»). Точно эта разговорная лексическая единица (*lockdown*), которая пришла в английский язык только в 1973 г., означает «посадить в тюрьму» (ср. русск. разговорное «закрыть»). Однако в эпоху пандемии оно приобрело в английском новое значение: установленный правительством временный запрет на свободный выход из дома или ограничение социальных контактов, например, во время вспышки инфекционной болезни. По нашим данным это значение пока зарегистрировано подробно только в одном словаре со следующей (новой) дефиницией: *a temporary condition imposed by governmental authorities (as during the outbreak of an epidemic disease) in which people are required to stay in their homes and refrain from or limit activities outside the home involving public contact (such as dining out or attending large gatherings)* [Merriam-Webster Dictionary [http](http://)]. Это слово является разговорным синонимом выражений «карантин», «самоизоляция». Все первые приводимые в словаре примеры контекстуального применения этого слова в американских СМИ относятся к весне 2020 г. – времени его первого появления в новом значении. Например, в комментариях к словарной статье указывается: *Lockdown sprang to the top of our lookups on March 12th,*

2020, amid increasing speculation that areas of the United States would begin implementing increasing restrictions on travel and other activities [Meriam-Webster Dictionary [http](http://)].

Приблизительно в это же время это слово было заимствовано в другие языки, включая русский, потеряв свою первоначально разговорную окраску и превратившись из глагола в существительное. Осенью, с наступлением так называемой второй волны коронавируса, слово *локдаун* все чаще стало звучать с экранов телевизоров, особенно, в связи с распространением заболевания новым коронавирусом в США и Европе в преддверие рождественских праздников.

В марте 2020 г. (начало распространения COVID-19 в России), когда через СМИ активно пропагандировались необходимые гигиенические меры, было актуализировано транслитерированное заимствование *санитайзер*. На какое-то время именно оно стало использоваться вместо привычного, но не лаконичного выражения «средство дезинфекции, санобработки» (от английского глагола *to sanitise* – проводить санобработку, дезинфицировать) [Мюллер 2004: 689].

Уже на начальном этапе борьбы с коронавирусом широкое распространение получил медицинский термин *обсервация* (от англ. *To keep under observation* – держать под (клиническим) наблюдением) [Мюллер 2004: 535], породивший новую номинацию для места обсервации – *обсерватор* (ранее оно называлось, например, в родильных домах, отделение обсервации). Кроме того, в речи некоторых журналистов появился окказионализм *обсервант* для обозначения человека, находящего в изоляции в период ожидания результатов теста на коронавирус или после контактов с больным («Вести 24»).

В русскую логосферу за короткое время был введен достаточно широкий набор профессиональной лексики, в основном, из медицинской терминологии. Благодаря приглашаемым для комментариев специалистам в российских СМИ стало возможным услышать: «*оксигенация легких*», «*тест-система*», «*КТ*» (*компьютерная томография*), «*автоматический диспенсер*», «*рост экспоненты заболевания*», «*диффузные явления в легких*», «*антитела класса G*», «*полиорганная недостаточность*», «*рециркуляторы воздуха*», «*гуморальный ответ*», «*выявление патогенна*» и др. Так, изучение особенностей протекания болезни обусловило введение в общественное употребление термина «*цитокиновый шторм*», а создание вакцины и появление первых вакцинированных россиян способствовало распространению термина «*титры*».

Еще одно популярное терминологическое заимствование – *плато́*. На наших глазах этот термин, ранее широко используемый в геологии и в географии («возвышенная равнина с ровной или волнистой слабо расчленённой поверхностью, ограниченная отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств, фр. *plateau* от греч. *platys* – плоский»)

[Современный толковый словарь русского языка 2001: 526], покинул свои привычные рамки употребления и стал использоваться как термин медицинский: период, который наступает после достижения пика заболеваемости. Например: «*Выход на плато происходит, когда количество новых случаев заболеваемости сегодня не превышает количества новых случаев вчера*» [Аргументы и факты 2020 [http](http://)]. Вероятно, впервые это слово прозвучало при прогнозе ситуации с коронавирусом в России в марте 2020 г. из уст В. Скворцовой, главы Федерального медико-биологического агентства (ФМБА) в интервью телеканалу «Россия-24». После этого слово *плато* стало часто звучать в эфире, но его необычность обусловила и вариантное произношение – с ударением на первом слоге (Т. Голикова, С. Шойгу и др.) или на втором (В. Путин, С. Собянин, Д. Киселёв и др.).

Заметим, что и официальное название нового опасного вируса до сих пор не получило на русском языке однозначного фонетического оформления: кто-то из журналистов произносит двухсложное слово COVID-19 с ударением на первом слове, а кто-то – на втором. При этом очень богат синонимический ряд названия болезни: от разговорно-экспрессивного «*опасная зараза*» в устной речи корреспондентов ТВ до возвышенно-эвфемистичного «*вредоносное поветрие*» (из церковного циркуляра накануне Пасхи). И если в начале эпидемии в российских электронных СМИ использовался только англоязычный акроним COVID-19 (буквально: «коронавирусное инфекционное заболевание» – *Coronavirus Infectious Disease*), то уже к лету 2020 г. сначала в устной речи корреспондентов появилось прилагательное ковидный (госпиталь, пациент и др.), а потом и в письменной коммуникации (например, в новостных лентах различных информационных агентств) стали употреблять написание в русской транскрипции – *ковид* и его разговорный вариант *корона*. Здесь очевидно действие лингвистического закона экономии усилий и упрощения. Например, слово «новая» очень быстро ушло из официального наименования болезни («новая коронавирусная инфекция»). В период поиска и утверждения языковых единиц для репрезентации коронавирусных реалий эта тенденция ярко проявилась также при создании слов *удаленка*, *дистант*. Аппараты искусственной вентиляции легких не просто получили часто используемую аббревиатуру *ИВЛ*, но также, как и выражение «средства индивидуальной защиты», *СИЗ*, за короткий срок были лексикализированы по правилам русской грамматики и получили, подобно обычным существительным, падежные окончания и множественное число. Например, диалог Президента РФ В.В. Путина с губернатором республики Коми: «*Какие у вас трудности?*» – *У нас отставание по СИЗам*» (эфир программы «Вести» 19 апреля).

Губернатор Владимирской области: *«Ждем новую партию ИВЛов и запчастей к ним»* («Россия 24», «Вести»).

Как известно, метафора является одним из самых часто употребляемых стилистических средств оформления речи, являясь феноменом и лингвистическим, и когнитивным [Баранов 2011: 72]. Она привлекает журналистов, политиков, копирайтеров и пр. своим оценочным потенциалом, способностью разделения «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей». Вполне ожидаема ассоциация «вирус – враг», на основе которой и в английском, и в русском языках появилось много метафорических выражений. Но если в американском английском используются традиционные глаголы синонимического ряда «бороться» (to fight, to struggle, to combat against) и в качестве ключевого понятия – to survive (выжить, уцелеть), то в русском языке можно наблюдать множество метафорических образов войны с вирусом и сравнений ее с опасным врагом. Эта война представляется как процесс длительный и имеющий четкую цель: победу над врагом. Война с пандемией коронавируса предполагает жертвенность и неизбежные потери.

Военная риторика оказалась очень близка и российским журналистам, и официальным лицам, и докторам. Например: *«Российские врачи на передней линии фронта», «работаем в горячих точках», «атака на вирус», «каждый раз врачи идут как в последний бой», «оборона ведется на всех фронтах», «врачи – герои», «можно ли воевать без амуниции?»* и т.д. Или: *«Это война. На войне гибнут солдаты. Я вызвался добровольцем»* («Вести в субботу»). С экрана звучат слова *«мобилизация», «полевой госпиталь», комендантский час* и др., а информация об открытии новых больниц и госпиталей (для *«увеличения коечного фонда»*) звучит, по словам одного телеведущего, *«как сводки с фронта о взятии города, отбитого у врага»* («Вести. Воскресный выпуск»). Красный цвет в выражении *«красная зона»* интерпретируется как цвет опасности.

Примечательно, что при обращении к исторической памяти и языковому сознанию россиян, некоторые телеведущие и корреспонденты пользуются прецедентными высказываниями и воспроизводят в речи и в рубриках новостных передач прецедентные ситуации. Например: *«Вирус бродит по Европе...», «Все для фронта, всё для победы»* (о мерах правительства по борьбе с вирусом), *«Вирус будет разбит, победа будет за нами», «Сбережение народа», «Это даже не бомбардировка Лондона»* (о стремительном распространении вируса в британской столице), *«Есть ли жизнь во время карантина?», «Свобода каждого ограничена свободой других»* («60 минут», «Время», «Вести»).

Естественно, что реалии пандемии не могли не найти отражения и в словотворчестве носителей русского языка. Согласно данным исследователей из Уральского федерального университета

(г. Екатеринбург) появились следующие сленгизмы и окказионализмы: *коронавирые, карантец, ковидло, макаронвирус и гречкохайп* (нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки), *маскобесье, вируспруденция, карантэ* (умение владеть собой в самоизоляции), *расхламинго* (популярное домашнее занятие, связанное с уборкой в доме во время вынужденного карантинного безделья). Кроме того, в России появились классификации людей в соответствии с их отношением к пандемии: *коронапофигисты, ковигисты, карантье* (владелец собаки, сдающий ее в аренду для прогулок), *голомордые* (те, кто не носят маски) [Лингвисты сообщили о появлении из-за пандемии COVID новых слов [http](http://)]. В связи с нежеланием соблюдать самоизоляцию весной 2020 г. в СМИ впервые прозвучало слово *коронадиссидент*, а осенью его употребил в своей речи во время встречи с «ковид-волонтерами» Президент России (программы «Время», «Вести» и др.).

Очевидно, что все приведенные выше выражения являются социально и регионально ограниченными, однако, все они демонстрируют креативные возможности русского языка и его способность обыгрывать как план выражения, так и план содержания языковой единицы, используя вполне узнаваемые словообразовательные модели. Как уже давно известно, языковая игра и юмор часто приходит на помощь в ситуации неопределенности, психологического напряжения.

Таким образом, проведенный анализ показал, что русский язык оперативно реагирует на изменение окружающей реальности и быстро актуализирует новые слова и новые значения. Уже на настоящем этапе можно выявить некоторые типичные механизмы языковой рефлексии мировой пандемии коронавируса, но необходимо дальнейшее наблюдение за процессом номинации. Несомненно, что важная роль принадлежит языковой личности, участнику медиакommunikации, совершающему речевые поступки и создающему или воспроизводящему актуальные языковые единицы. В последних эксплицируется как его личный когнитивный и прагматический языковой опыт, так и общественный. Вместе с тем многие официальные лица и журналисты, вслед за специалистами-эпидемиологами и врачами вводят в общественное словоупотребление иноязычные заимствования и медицинские термины, используемые как агнонимы – без понимания их семантики.

Дискурс СМИ в эпоху глобализации становится все более интернациональным [Ekecrantz 2011]. Он приобрел «американский акцент», и это ярко проявилось при обсуждении пандемии в СМИ на различных языках. Из проанализированных примеров очевидно, что сходны и принципы номинации связанных с вирусом проблем, и способы лексической репрезентации: использование различного рода заимствований, научных и терминологических единиц, необычных фразеологизмов, аллюзий и прецедентных феноменов, метафорических

обозначений. Некоторые примеры свидетельствуют о том, что оригинальные высказывания Д. Трампа оказывают речевое воздействие не только на американских зрителей и читателей, но и на словоупотребление ряда российских журналистов.

Лексика, заимствованная из других языков для отражения текущей ситуации с пандемией коронавируса, выполняет функцию быстрого номинирования: некоторые иностранные слова иногда необходимы для описания новых реалий, тонкой дифференциации значений на синхроническом языковом срезе, во время «шахматной партии» планеты против вируса. О важности изучения «языковых срезов» и чрезвычайных лингвистических ситуаций, требующих от языка быстрой реакции, а от лингвистов – изучения, говорил Ф. де Соссюр. Он сравнивал состояние языка с шахматной партией: «Система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции» [Соссюр 1933: 121]. Ушедший в прошлое 2020 г. оставил нам слова для обозначения новых понятий, утвердил новые заимствования и отразил в определенной степени, через метафоры и неологизмы, когнитивные механизмы и актуальные способы языковой рефлексии. Эта шахматная партия еще не окончена.

Библиографический список

Аргументы и факты. Здоровье [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/chto_takoe_plato_epidemii (дата обращения: 25.04.2020).

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта. Наука, 2011. 592 с.

Вильданова Г.А. COVID-риторика американского политического дискурса [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 43–54. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3745 (дата обращения: 27.12.2020).

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний [Электронный ресурс]. М.: «Азбуковник», 2003. URL: <https://spbib.ru/catalog/-/books/11244163-novyy-slovar-inostrannykh-slov> (дата обращения: 23.12.2020).

Корягина С.А., Кравченко И.О. Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование мировоззрения молодежи в информационном пространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. № 8 (4). С. 763–773.

Лингвисты сообщили о появлении из-за пандемии COVID новых слов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/737488> (дата обращения: 18.12.2020).

Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык медиа. 2004. 946 с.

Россияне назвали главное слово 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta.a42.ru/lenta/news/100408-rossiyane-nazvali-glavnoe-slovo-2020-goda?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.12.2020).

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Норинт. 2001. 960 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. А.М. Сухотина. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во. 1933. 432 с.

Якоба И.А. Дискурсивное конструирование события-аттрактора посредством умной, мягкой и жесткой сил [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 343–362. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3679 (дата обращения: 22.12.2020).

Ekecrantz J. Media and Communication Studies going Global // Nordicom Review. 2011. Iss. 28. Pp. 169–181.

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/lockdown> (дата обращения: 06.05.2020).

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/news-trend-watch/lockdown-speculation-drives-spike-20200312> (дата обращения: 03.03.2021).